

1567 г.;⁷⁰ член ближней думы ex officio дьяк Иван Михайлович Висковатый, казенный в 1570 г.;⁷¹ думные дворяне Алексей Федорович Адашев⁷² и Игнатий Михайлович Вешняков, умершие в 1560—1561 гг.⁷³

Именно тогда, когда эти ближние думцы выступили с предохранительными мерами против Владимира Старицкого, вмешался Сильвестр, который был «советен и в велицей любви у князя Владимира Андреевича и у матери его княгини Ефросиньи». Дальше следует новое заявление, которого нет в письмах Грозного: «...его (Сильвестра, — Н. А.) бо промыслом и из нятства выпущены». Во втором письме к Курбскому, цитированном выше, царь категорически приписывал себе освобождение Старицких из тюрьмы. Не столь существенно в данном случае, как это было на самом деле, но важно, что сам Грозный не соединял этого акта с именем Сильвестра. Значит, можно думать, что в этой фразе приписки есть или отражение исторического факта, или — что правдоподобнее — нарочитое сгущение обвинений против Сильвестра.⁷⁴ На принятие последнего предположения наталкивает характеристика Сильвестра, непосредственно предшествующая в приписке разбираемому сообщению, — она, как увидим несколько ниже, продиктована сильным личным чувством против временщика. Необходимо поэтому считать, что роль Сильвестра в деле освобождения Старицких в 1540 г. несколько преувеличена в приписке.

Итак, Сильвестр вмешался в действия ближних бояр, говоря: «„Про что вы ко государю князя Владимира не пускаете, брат вас бояр государю добротнее“. Бояре же глаголаша ему: на чем они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, по тому и делают, как бы их государству было крепче». Дальше идет вновь замечательное заявление, чуждое формулировкам Грозного о боярстве в письмах: «...и оттоле бысть вражда межи бояр и Селивестром и его съветники».

Перед нами возникает картина совершенно иного характера, чем мы могли бы ожидать, считая, что в приписках «увекочены» как оправдательные, так и обвинительные аргументы царя, высказанные им в письме от 5 июля 1564 г. Курбскому. Алексей Адашев и Сильвестр находятся в разных лагерях, а члены ближней думы, многие из которых попали в опалу, как видно из биографических справок, выше данных, горой стоят — по собственной инициативе — за «пеленочника» Дмитрия.

Более того, из приписки перед нами вырисовывается обстановка, совершенно противоречащая концепции Грозного: перед нами факт отсутствия единого мнения и действий среди тех четырех лиц, о которых известно из писем Грозного или со слов Курбского, что они входили в Избранную

⁷⁰ Там же, стр. 61—62, прим. 241.

⁷¹ См. о нем: И. И. Смирнов, стр. 257—261; N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 100—106.

⁷² См. о нем: С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева, стр. 29 и сл.; И. И. Смирнов, стр. 212—231.

⁷³ А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — ИЗ, т. 63. М., 1958, стр. 196, прим. 150.

⁷⁴ А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники, стр. 44), приводя ряд вполне убедительных данных в пользу предположения о переезде Сильвестра в Москву задолго до 1547 г., признает это замечание в приписке Царственной книги «вполне правдоподобным». Действительно, Грозный, которому в момент освобождения Старицких было двенадцать лет, едва ли мог помнить всех «промышлявших» об их освобождении. Новгородская летопись упоминает только о митрополите Иосафе и боярах (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 135). Сильвестр мог быть не назван, так как действовал «в кулуарах» или митрополита, или бояр, к тому же он тогда еще не был лицом знаменитым. Однако Грозный, стоишь занимаясь вопросом о «четвертом удальном», конечно, позднее должен был иметь информацию о роли Сильвестра в этом деле, и в первом послании к Курбскому подобная деталь была бы весьма выигрышной в перечне прегрешений «попа». Значит, Грозный едва ли знал о такой подробности.